

УДК 165

ПОЧЕМУ У ФИЛОСОФИИ ЕСТЬ БУДУЩЕЕ?

© 2013 г.

А.М. Дорожкин¹, Н.Г. Баранец², А.Б. Верёвкин²

¹Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

²Ульяновский госуниверситет

baranetz@mail.ru; a_verevkin@mail.ru

Поступила в редакцию 10.03.2013

Анализируется образ философии и будущее философии по отношению к естественным и гуманитарным наукам на фоне современных социокультурных реалий.

Ключевые слова: философия, естественные науки, гуманитарные науки, образ философии, будущее философии.

Общение с учёными-естествоиспытателями побуждает повторить старый вопрос о будущем философии, приобретающий в нынешних условиях развития науки и философии особенно острое звучание. Дискуссия об «образе науки глазами естественников и гуманитариев» [1] с участием учёных – физиков, математиков, с одной стороны, и философов с историками, с другой, дала вполне ожидаемый результат. Естественникам свойственно сомневаться в научной полноценности гуманитарного знания и философии как его квинтэссенции. Если позитивное значение философии и признается, то видится оно учёным в её координативной и систематизирующей функции.

Наши рассуждения не уложились в строго ограниченные рамки одной статьи, поэтому нам пришлось представить их в продолжении. В данной работе будут рассмотрены претензии к философии как науке и образовательной практике. Затем исследуем точки зрения самих философов на предмет своих изысканий. В дальнейшем покажем, что оставили философии естественные и гуманитарные науки. А после всего этого выскажем некоторые методические соображения о преподавании философии и философских способах получения знания. Части достаточно самостоятельны и могут быть прочитаны в любом порядке без потери смысла.

За что критикуют философию и философов?

Критика от естествоиспытателей выпадает не только отечественным философам, отвечающим за недавнюю идеологизированность своей дисциплины, хотя респектабельность философии в западной университетской системе несомненна.

Есть много примеров благосклонности к философии со стороны великих учёных – А. Эйнштейна, Э. Шрёдингера, Н. Бора, В.А. Стеклова, Д.И. Менделеева и других. Еще больше примеров замечательного вклада учёных в разработку философских проблем истины, метода и способа познания, здесь работали – А. Пуанкаре, Б. Рассел, А. Уайтхед, К. Поппер, Э. Мах, А. Тарский, Н.В. Бугаев, В.И. Вернадский, В.В. Налимов. Но ссылка на авторитеты мало убеждает критически мыслящих людей.

В замечательных мемуарах физика Р. Фейнмана [2] изложена суть недоумений естествоиспытателей при встрече с иной интеллектуальной культурой, от которой они ничего не могут и не хотят позаимствовать. Фейнман описал своё посещение семинара по философии, на котором обсуждалась книга А. Уайтхеда «Процесс и реальность» [3] и его понятие «сущностного объекта». Когда ведущий семинара спросил Фейнмана, является ли электрон сущностным объектом, Фейнман поинтересовался – является ли кирпич сущностным объектом? «Намерение моё состояло в том, чтобы выяснить, считают ли они сущностными объектами теоретические построения. Существование электрона – это ведь просто теория, которой мы пользуемся, и она настолько хорошо помогает понять, как устроена природа, что мы почти готовы назвать электрон реальным. Я хотел прояснить идею такой теории аналогией. Что касается кирпича, я спросил бы следом: «А что можно сказать о внутреннем устройстве кирпича?» – и затем указал бы на то, что кирпича никто изнутри не видел. Каждый раз, как вы разбиваете кирпич, вы видите только поверхность. То, как кирпич устроен изнутри, – это лишь простая теория, которая помогает нам лучше понять те или

иные вещи. То же относится и к теории электрона» [2, с. 89–90]. Дальше следовали размышления студентов о кирпиче и сущностных объектах в духе номинализма, концептуализма и реализма. При этом каждый предлагал своё понимание «сущностного объекта». Завершая эту историю, Фейнман иронично написал: «до того времени я и не слышал никогда о столь хитроумных и совершенно различных подходах к кирпичу. В общем, как и в любой истории о философах, всё дело закончилось полнейшим раздором. Во все их прошлые дискуссии они ни разу не задались вопросом, является ли такой простой предмет, как кирпич, не говоря уж об электроне, «сущностным объектом» [2, с. 89–90]. Естественников отвращает от философии то, что в ней привлекает самих философов – содержательная неопределенность понятий и плюрализм мнений. То, что для философа – показатель наличия свободы поиска и вариативности знания, для естественника – непростительная слабость мысли и ненаучность. Философия видится разновидностью искусства и нехудожественно изложенного индивидуального опыта, не претендующего на всеобщность.

Знаменитый биолог Д. Уотсон так описал свой опыт знакомства с философией [3, с. 45]: «В течение всего года я проходил также курс «Наблюдение, интерпретация и интеграция»... Мне повезло с преподавателем – это был Джозеф Шваб. Его апатичная южная манера говорить не могла скрыть того презрения, с которым он выслушивал идиотские ответы юных гуманитариев на строгие сократические вопросы. Когда я начал понимать логику его вопросов, мне стало нравиться посещать эти занятия в Свифт-холле, и я нередко с нетерпением ждал их, особенно после того, как мы оставили позади средневековых мыслителей и перешли к Возрождению и к сформулированным Френсисом Бэконом отличиям между индуктивными и дедуктивными умозаключениями». Напротив, менее привлекательно описан курс философии у Р. Фейнмана: «Курс её читал старый бородастый профессор по фамилии Робинсон, говоривший очень невнятно. Я приходил в аудиторию, профессор что-то мямлил, а я не понимал не единого слова. Другие студенты вроде бы понимали профессора лучше, но и те слушали его без особого внимания. У меня в то время появилось откуда-то маленькое сверло, примерно на одну шестнадцатую дюйма, и я коротал время в аудитории, вертя сверло в пальцах и высверливая дырки в подошве своего ботинка – и так неделя за неделей» [2, с. 57]. Напиши эти слова не будущий нобелевский лауреат, мы со-

чили бы его плохим студентом. Но его научный авторитет несомненен, а мнение значимо, поскольку принадлежит интеллектуалу с повышенным градусом любопытства. Тем не менее он ничего не приобрёл на философских занятиях. Правда, в заключение курса Фейнман написал отличное эссе по философии вопреки тому, чему его обучали.

Преподавателям философии не стоит заниматься самооправданием. Интерес к философии является потребностью мыслящего человека на определённой стадии личного или профессионального развития, но убедить в этом недостигших такого уровня можно, лишь доказывая полезность философии как способа развития мышления или как особой познавательной практики, направленной на экзистенциальные проблемы. Философия более иных предметов не прощает плохого изложения и отсутствия оригинальности. Скверно, когда дифференциальная геометрия или квантовая физика излагаются без интереса или необходимого понимания, но на конечный результат это повлияет в меньшей степени. Здесь имеется немалый набор зарекомендовавших себя учебников, самостоятельное чтение которых при незначительной помощи преподавателя позволяет студенту ознакомиться с предметом в достаточной мере. В случае философии педагогические провалы лектора приводят к трудно исправимым последствиям для аудитории и престижа дисциплины.

Примеры острой критики философской науки преподаны нашим коллегой в публичной дискуссии о пользе философии. Она проходила между профессором теоретической физики В.В. Учайкиным [4], с одной стороны, и философами А.Л. Никифоровым, Е.А. Мамчур и Д.С. Чернавским – с другой. Задорно в сократической, а иногда и софистической манере Учайкин обличает всех философов и мифы о значимости их дисциплины. Он не верит, что философия учит терпимости, поскольку история сообщает много примеров желчных философских споров. Он также сомневается, что философия – это мировоззрение, дающее общее представление о мире и обществе. Ведь идеологический перелом 1990-х годов разрушил тщательно взращиваемое марксистское мировоззрение без особого сопротивления. Идея об универсальном методе всех наук представляется ему нелепой. Несложно вспомнить, что в качестве такого метода ещё недавно насаждалась диалектика, не принесявшая в естественные науки ничего полезного. Учайкин напоминает, что любимый философами пример увлечения творцов квантовой механики философией демонстрирует непонимание по-

следовательности событий. Ведь философские споры в физике начались уже после создания теорий.

Мы не собираемся обстоятельно возражать профессору В.В. Учайкину, доказывая наличие непрямого или даже неосознаваемого влияния философии на работу учёного, проявляющегося в привлечении внимания к проблемной области, в порождении сомнения в устоявшихся взглядах. Также нет надобности в обосновании необходимости формирования у студентов категориального аппарата и в философской систематизации общенаучных представлений. К сожалению, зачастую студент или аспирант, сдавший курсы «Механики» и «Общей теории относительности», не может самостоятельно определить используемые им же термины – пространство, время, материя, детерминизм, причина, следствие, закон. Профессор Учайкин [4] не учитывает, что его уровень общих знаний о мире существенно превосходит всё известное его ученику. Профессору, возможно, не нужен учебник по философии, – и без него он поймёт философские рассуждения своих великих коллег. Но студент без учебника не сможет разобраться в этих работах, не владея понятийно-категориальным и методологическим аппаратом. Возможные темы учебников и способы преподавания будут рассмотрены позже.

Понятно, почему советский академик А.Б. Мигдал утверждал, что «точным наукам философия не нужна» [5], и то же самое задолго до него говорил и Н.И. Лобачевский. Русский философ Г.Г. Шпет в своём нелицеприятном очерке развития русской философии показал её концептуальную несамостоятельность и редкость ярких и самобытных преподавателей философии в университетской традиции. Если вспомнить печальные примеры из истории советского периода, станет трудно возражать критикующим естественникам, которым нет дела до того, «возрождается ли отечественная философия от идеологических ограничений» или нет. Они мало сочувствуют отечественным философам, пострадавшим от преследований и интеллектуальной несвободы. Ведь иногда идейные споры (например, А.А. Максимова, Э. Кольмана, А.К. Тимирязева и Т.Д. Лысенко, с одной стороны, и В.А. Фока, Л.И. Мандельштама, Н.Н. Лузина, Н.И. Вавилова и А.С. Серебровского – с другой) [6] имели внутринаучный доктринальный характер. Плохим обычаем того времени были идеологические закливания и призывы к властям.

Претензии естественников к философии, выросшие из печального личного опыта знакомства с нею, несущественны с точки зрения ис-

торической перспективы и будущего философии. Важнее понять, что остаётся философии, когда естественные и социогуманитарные науки всё полнее охватывают её традиционное предметное поле.

Споры об образе философии в XX веке

У мыслящей части общества складывается специфический образ философии, отражающий восприятие её структуры, функций, задач и смысла философского знания. При этом есть определённый «зазор» между реальным состоянием философского знания и восприятием его в общественном сознании. Можно также выделить дорефлективную и рефлективную форму образа философии. Первая возникает из взгляда на философию «со стороны», вторая принадлежит самим философам. Образ науки передаёт принятые в ней способы представления знаний и её общественные функции, определяет стандарты принадлежности к дисциплинарному сообществу.

Отчасти, оценки философии определяются самими философами. Динамика образа философии в сознании философов зависит от эволюции научного знания и организации науки, которая в XX в. стала одним из главных факторов развития человечества и обрела специфическую форму социальной организации. Современная наука почти растворила философию в системе гуманитарных образовательных дисциплин.

Следует выделить социокультурные предпосылки формирования образа философии – включение её в систему образования, специализацию, профессионализацию и основание «философского сообщества». Внутренние дисциплинарные предпосылки этого процесса заключаются в самосознании философии, рефлексии над философской традицией и спецификой философского дискурса. Особенности естественно-научного и гуманитарного знания обуславливают появление двух гносеологических позиций. Одна из них сосредоточена на логико-методологических проблемах, сводя функцию философии к анализу готовых форм научного знания. Другая актуализирует мировоззренческие и гуманитарные задачи философии, приводя к намеренному обособлению и противопоставлению её с наукой.

Развитие образа философии определяется культурно-когнитивными факторами, в частности эволюцией представлений о развитии науки и знания. Здесь речь идёт не о ставшем традиционным выделении этапов развития науки – классического, неклассического, постнекласси-

ческого. Ведь установлено, что не существует одновременной смены принципов, установок, ценностных норм и идеалов. Эволюция парадигм, картин мира в лидирующих науках не означает ещё появления новых регулятивов в других науках.

Различение классического и постнеклассического образов науки – это условная идеальнотипологическая конструкция, присутствующая в рефлексии отдельных учёных. В первом случае в качестве эталона научного знания рассматривается математика (логицистский образ науки), во втором – физика (физикалистский образ науки). Так, классический образ знания представлен в философии неокантианцев, феноменологов, а постнеклассический – в концепциях позитивизма, прагматизма, аналитической философии. Экзистенциалисты отрицают аналогию философии с научным знанием или ориентацию её на какой-либо из образов знания, опосредованный наукой результат.

Образ философии является также и результатом внутрифилософской рефлексии. Профессиональный философ, относится ли он к академической традиции или нет, чётко осознаёт свою принадлежность к философской школе или направлению, разделяя принятый в рамках данной группы подход к определению сущности и предмета философии. Он принимает понимание группы образа философии, что задаёт границы его интеллектуальных интересов и концептуальное поле исследований.

Обычно европейский философ отталкивается от Канта – с принятия, с собственными дополнениями, или неприятия его философской системы. Философское познание, по Канту, это не познание действительности или трансцендентного, а раскрытие предпосылок научного знания и познания. Научное мышление является рассудочным, а философское протекает сообразно с регулятивными идеями разума, оно есть не что иное, как осознание идей.

Трансцендентально-феноменологическая философия представляется «строгой наукой». По мнению Э. Гуссерля, она должна быть беспредпосылочной и вместе с тем иметь непосредственный контакт с действительностью, опираясь на опыт. От конкретных наук философию отличает специфический подход к реальности, открывающейся при подлинно философской установке сознания, достигаемой феноменологической редукцией, очищающей трансцендентальную субъективность и открывающей первоначальное знание. Таким образом, феноменологическая редукция объявляется специфическим методом философского познания и необ-

ходимым этапом самосознания человека, приводящим к изменению установки сознания.

По Х.Г. Гадамеру, теоретический аппарат мышления вообще не нужен, так как феноменологическая установка надежно гарантирует философии статус «интуитивно-априорной науки». Более того, трансцендентальная феноменология выступает не как специальная философская дисциплина, но как «универсальная абсолютная наука». В завершённом виде феноменология как универсальная философия включает, во-первых, «науку о методе вообще» (универсальную методологию), во-вторых, философию как связующее звено между феноменологией и конкретными эмпирическими науками (эйдические науки). По мнению феноменологов, до сих пор философия отказывалась от своей исконной задачи – служить универсальным разумом человечества, быть основой при решении жизненно важных проблем. Сторонники трансцендентально-феноменологической концепции убеждены, что философия должна исходить не из науки, а из проблем жизненного мира, она призвана вернуться к «наивности жизни» и указать европейской культуре выход из кризиса. Жизненный мир для них – это мир повседневного опыта, «наивной субъективности», предшествующей научной объективности, сфера интенциональной деятельности трансцендентальной субъективности. Он есть «объективированная субъективность», и поэтому универсальность отличает не проблемы науки, а проблемы жизненного мира.

В экзистенциализме философия понимается не как теоретическая система, претендующая на статус универсальной науки, а как индивидуальное философствование, цель которого не познание объективной истины, но пребывание в истине субъективной. Экзистенциалисты радикально противопоставили философию науке. Они видели источник философского знания в жизненном опыте человека, но в отличие от феноменологов (трактовавших его в универсальном смысле как сверхперсональный, «абсолютный поток», лежащий за пределами активности индивидуального сознания) определяли его как индивидуальные переживания, сопровождаемые постоянными медитациями о подлинности своего существования.

Таким образом, особенности экзистенциального понимания философии следующие: отрицаются её научный характер и теоретико-познавательные функции, полагается специфически философское (экзистенциальное) мышление – проясняющее и истолковывающее; считается, что методологию философии образуют методы трансцендирования и феноменологиче-

ской герменевтики; и утверждается приоритет мировоззренческой функции философии.

Принципиально иную позицию занимали неопозитивисты. Они понимали философию функционалистски, не как теорию или определенное учение, а как аналитический поиск значений языковых выражений.

Логические позитивисты считали, что цель философии состоит не в открытии нового знания, а в логическом анализе уже полученного научного знания. Аналитическая философия понималась как методологическая критика науки и логический анализ логического и повседневного языка. Философия была определена как логический (лингвистический) метод прояснения смысла предложений путем анализа их логических форм. Все собственно философские проблемы были объявлены метафизическими и лишены какого-либо позитивного значения.

Если суммировать основные интерпретации философии в XX в., можно выделить несколько доминирующих тенденций: во-первых, это отрицание научного характера и теоретического статуса философии, во-вторых, представление философии как критико-аналитической деятельности; в-третьих, отказ от теоретического осмысления реальности и повышенный интерес к анализу языка; в-четвертых, определение предмета философии с функционалистских позиций и отрицание возможности философских обобщений и систем – отказ от построения целостной картины мира и предложения универсального философского метода.

Надо учесть, что феноменологически-экзистенциальные и позитивистски-прагматические философы критиковали разные аспекты «классического» образа философии.

К середине XX в. классическая мыслительная культура утратила свои позиции, так как была основана, во-первых, на оптимистическом чувстве присутствия естественного порядка в мире и его рациональном постижении, во-вторых, на принципе субъективно-объектной тождественности как основании мировоззренческой рациональности. Логико-аналитическое и феноменолого-герменевтическое направление критиковали оптимистический объективизм

классики и стремились устранить субъективно-объектную парадигму. Результатом эволюции в этом направлении оказались «лингвистизация» философии, сведение её к языковым проблемам и утверждение постмодернистской парадигмы.

Предшественниками постмодернистской философии были Ф. Ницше, М. Хайдеггер, Х. Гадамер и Л. Витгенштейн. Основными вариантами постмодерна в философии являются постструктуралистский (Ж. Деррида, Ж.Ф. Лиотар) и герменевтический (Д. Ваттимо). Постмодернистская философия направлена против рационализма и логоцентризма. Её авторы подчеркивают связь философии с искусством. В методологическом плане эта философия основана на принципах онтологического плюрализма и гносеологического релятивизма. В ней теряют своё значение и смысл принципы и категории классической философии («принцип реальности», категории бытия, субъекта, истины, закона, нормы). Бытие растворяется в языке, ставшем единственным бытием, доступным познанию. Понятие истины подвергается сомнению и определяется как относящееся к эстетическому и риторическому порядку. Человек как субъект познания и деятельности также подвергается сомнению, гуманизм отвергается вместе с отрицанием антропоцентризма. Постмодерн в философии является формой интеллектуального гедонизма, где философия рассматривается как своеобразное «наслаждение» мышлением, возникающее при переживании духовного опыта прошлого.

Список литературы

1. Круглый стол. Режим доступа. <http://www.ulsu.ru/com/chairs/php/nic/rounds/> (Дата обращения 20 мая 2013 г.).
2. Фейнман Р. Вы, конечно, шутите, мистер Фейнман! – М.: Астрель, 2012. 480 с.
3. Уотсон Д. Избегайте занудства. Уроки жизни, прожитой в науке. М.: Астрель, 2010. 464 с.
4. Учайкин В.В. Легенда о фонаре // Поиск. 2006. № 47. С 24–79.
5. Чернавский Д., Никифоров А., Мамчур Е. Нужна ли вузам философия? // Высшее образование в России. 2007. № 4. С. 12–25.
6. Учайкин В.В. Философия в себе // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 166–175.

WHY THE PHILOSOPHY HAS A FUTURE?

A.M. Dorozhkin, N.G. Baranec, A.B. Verevkin

The image of philosophy and the philosophy future in relation to natural and to the humanities against modern sociocultural realities is analyzed.

Keywords: philosophy, natural sciences, humanities, image of philosophy, philosophy future.